Шамсетдинова Анжелика Петровна

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К СЧАСТЬЮ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются социальное стремление человека к счастью, парадоксы и противоречия данного стремления. Само чувство счастья зависит не от достижения определенных благ, а от внутренней, духовной способности человека быть счастливым. Хотя в настоящее время сами переживания счастья для большей части человечества ограничиваются удовлетворением собственных потребительских устремлений, в данной статье автор показывает, что стремление к счастью все же соотносимо с идеей самодостаточности, самоопределения человека.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 203-205. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 140.8
Философские науки

В статье анализируются социальное стремление человека к счастью, парадоксы и противоречия данного стремления. Само чувство счастья зависит не от достижения определенных благ, а от внутренней, духовной способности человека быть счастливым. Хотя в настоящее время сами переживания счастья для большей части человечества ограничиваются удовлетворением собственных потребительских устремлений, в данной статье автор показывает, что стремление к счастью все же соотносимо с идеей самодостаточности, самоопределения человека.

Ключевые слова и фразы: стремление к счастью; идея счастья; духовная способность человека; идея самоопределения человека.

Шамсетдинова Анжелика Петровна, к. филос. н.
Башкирский государственный университет
rector@bsu.bashedu.ru

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТРЕМЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА К СЧАСТЬЮ В РАКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ©

Как известно, одни люди желают просто жить в свое удовольствие, преумножая свое благо. Другие, занятые поисками счастья, как внешнего благополучия или внутренней радости, не находят его, а видят только одни страдания. Но есть люди, которые целиком заняты той мыслью, что сам человек существует для получения самых различных удовольствий, которые и создают состояние счастья. По нашему мнению, содержание человеческого счастья обусловлено ценностями, мотивами, ориентациями и стремлениями человека, на которые в определенной мере оказывает влияние общество.

Современное общество все больше характеризуется как бездуховное, безнравственное и материально обусловленное. Исходя из вышесказанного, возникает необходимость в уточнении определения социального стремления человека к счастью.

Бесспорно, стремление к счастью включает в себя действия людей по его достижению. Счастье обладает деятельностной природой, когда само намерение закрыть глаза на достижение счастья, превращается в пульсацию духовного стремления человека к свободе. Счастье есть некий импульс человека связанный с борьбой светлого и темного начал, со взаимосменой бытия и небытия. Такое состояние, видимо, связано со степенями возрастания бытия. Но, чем больше нечто есть, тем в меньшей степени оно соразмерно счастью. Ведь чувство счастья «зависит не от достижения определенных благ, а от внутренней способности человека быть счастливым» [6, с. 432]. Так, рост доходов не оказывает существенного влияния на удовлетворенность жизнью людей, но материальный недостаток негативно на неё влияет. И, выделяемый в современном обществе так называемый «уровень счастья», согласно опросам населения, более высок в богатых странах, нежели чем в бедных [1].

Отметим, что способность человека быть счастливым имеет отношение к личности и ее ценностным переживаниям. Ценность, как социальное стремление человека к счастью, выступает, прежде всего, как «всечеловеческая» ценность.

Также, социальное стремление человека к счастью соотносится с идеей самодостаточности человека, его волевых усилий, в вопросе о счастье, что, конечно же, является спорным. Когда человек стремится к счастью, то данное стремление еще неспособно обеспечить морального поведения людей. В связи с этим, Ф. М. Достоевский пишет о том, что от цивилизации человек «стал если не более кровожаден, то уже, наверное, хуже». Раньше он видел в «кровопролитии» идею справедливости, так что со спокойной совестью истреблял людей; теперь же, хотя мы и считаем «“кровопролитие” гадостью, а все-таки этой гадостью занимаемся, да еще больше чем прежде» [3, с. 162].

Человек устремлен к счастью; но, при этом, само моральное поведение людей не оказывается обусловленным ни воспитанием, ни образованием. Сам «нравственный» закон существует априори. Он соотносим с «всечеловеческими» ценностями. Поэтому, стремление к счастью – это духовное стремления вообще. Но при этом не следует стремиться ко всякой радости, а лишь к той, которая связана с прекрасным, с идеалами добра, морали, нравственности и справедливости.

Так, счастье человека связано с высшим нравственным началом – со стремлением служить всему человеческому роду в целом. Счастье сопряжено и с индивидуальным характером наивысшего назначения человека. С участием каждого лица в высшем «сверхчувственном бытие» [7, с. 628]. Таким образом, в настоящее время счастье оказывается связанным с целями возрождения всего человеческого рода. Однако «сверхчувственное бытие» предполагает блаженство индивидуума по поводу высших моральных ценностей и данное постижение является актуальной жизненной задачей для современного общества.

Также, продолжая рассматривать аспекты социального стремления человека к счастью, отметим, что счастье есть наивысшее развитие человеческих способностей. В частности – это и способность к мышлению. В данном случае отметим, что счастливые люди обладают более высоким чувством контроля, оптимизмом при определении намеченных целей, а также высокой самооценкой.

© Шамсетдинова А. П., 2015

Понятие «счастье» вовсе не заключается и не должно заключаться в полном удовлетворении, при котором не остается дальнейших целей и желаний, а бесцельность не способствует ни развитию личностно-интеллектуальному, ни социальному развитию в целом. «Мы показали, – пишет Лейбниц, – что для обладания свободой достаточно, чтобы представление о благополучии и о несчастье и другие внешние и внутренние расположения склоняли нас без принуждения. Я не вижу также, каким образом чистое безразличие может способствовать счастью; напротив, становясь более безразличными, тем самым становятся более нечувствительными и менее способными наслаждаться благами. Ибо если безразличная сила может сообщать себе ощущение блага, то она может даровать себе и самое совершенное благополучие, как это я уже показывал» [4, с. 448].

В какой мере интеллектуальная деятельность может быть основана на социальном стремлении человека к счастью? В каком смысле она, то есть эта деятельность, должна быть нравственно «нагруженной»? Эти вопросы за последнее время приобрели особую актуальность, особенно в связи с проблемой социальной ответственности ученого [5, с. 100]. Эта ответственность сегодня переместилась в само понимание счастья, которое стало проводником «эгалитарного мифа» [2, с. 73].

Нам думается, что сами переживания счастья большинством людей в эпоху техники ограничиваются удовлетворением собственных потребительских устремлений и эмпирическими радостями. При этом существующие концепции счастья и счастливого образа жизни не направлены на осмысление недостатка самих условий существования иных людей, их образа жизни.

Однако именно счастье человека в теоретико-методологическом плане понимается, как мгновенное, возвышенное, наделенное нравственным началом, следовательно, оно есть единство временного и вечного в общественной жизни, некая общественно-гуманная и нравственная направленность для человека и для общества. Такое созерцание счастья как бы приподнимается над всем существующим временем и материальными ценностями. Вышесказанное подтверждает основное противоречие в понимании счастья, которое заключается в том, что «счастье» людей стало неким синонимом понятия «благосостояния», измеряемым в вещах и знаках, именно тем комфортом, в котором реализуется сама задача благосостояния общества. Одновременно «счастье как внутреннее наслаждение, являющееся независимым от знаков, которые могли бы его продемонстрировать взглядам других и нам самим» не имеет «потребности в доказательствах» [Там же]. Такое счастье тотчас же оказывается исключенным из идеала потребления. В данном смысле счастье оказывается много дальше от всякого «праздника», от коллективной духовной экзальтации.

Идея счастья отдаляется (особенно в эпоху техники) от индивидуалистических принципов, от самой «Декларации» прав человека, которая открыто признает за каждым гражданином само право на счастье.

Хотя каждый человек и стремится к счастью, идея «всеобщего счастья», в принципе, недостижима. Счастье исходит из идеи «благосостояния» человека и общества. Но само социальное стремление человека, ориентированное на эстетический, нравственный вкус и талант, становится сегодня невыгодным для индивидуального вкуса. Это, в целом, тормозит развитие духовного мира человека. Заметим, что процессу унификации и обезличиванию вкуса помогает реклама, благодаря чему и оказывается возможной сама массовая культура и массовая продукция [8, с. 249].

Социальное стремление человека к счастью сопоставимо с постоянным давлением общества (стремление к материальному достатку, престижному образованию, принадлежности к более высокому социальному классу) на личность, что, в принципе, мешает осознавать свои творческие и духовные порывы и удовлетворять свои творческие стремления. Но, в принципе, стремление к счастью связано с тоской человека не по обществу других, а по самому себе.

Резюмируя вышеизложенное, сделаем следующие выводы:

1) социальное стремление человека к счастью обусловлено тем, что сам человек остро чувствует то, чего ему не хватает, а именно, не хватает самостоятельности и самоответственности духовного развития, умения по-своему воспринимать мир, от которого его отгораживают социальные обстоятельства (например, сама сила техники, оппозиционная утраченному умению жить целостно). Именно в этом мы видим соотношение социального стремления человека к счастью с идеей самодостаточности, самоопределения человека, его волевыми усилиями в вопросе о счастье;

2) в нашем понимании социальное стремление человека к счастью связано, не только с фактором человеческого опыта, но и со всечеловеческими ценностями, с высшим нравственным началом, с наивысшим развитием человеческих способностей и духовным стремлением вообще. Однако ценности и идеалы современного общества переводят «идею стремления к счастью» в «идею стремления к благосостоянию», что делает невозможным развитие важнейшей социальной цели «всеобщего счастья». В этом, по нашему мнению, и заключается основное противоречие в стремлении к социальному счастью людей современного общества.

Список литературы

1. **Аргайл М.** Психология счастья [Электронный ресурс]. URL: http://scorcher.ru/art/happiness/Argyle.php (дата обращения: 17.04.2015).
2. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 269 с.
3. **Достоевский Ф. М.** Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Наука, 1973. Т. 5. 379 с.
4. **Лейбниц Г. В.** Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1989. Т. 4. 554 с.
5. **Мамгур Е. А.** Физика и этика // Физика в системе культуры. М.: Российская академия наук, Институт философии, 1996. С. 99-116.

6. **Философский словарь** / основан Г. Шмидтом; под ред. Г. Шишкоффа; пер. с нем., общ. ред. В. А. Малинина. Изд-е 22-е, новое, перераб. М.: Республика, 2003. 575 с.
7. **Фишер К.** История новой философии: в 8-ми т. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1906. Т. 6. 733 с.
8. **Хааг Э. ван ден.** И нет меры счастью и отчаянию нашему // Кризис сознания: сб. работ по «философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009. 272 с.

CONCEPTION OF SOCIAL ASPIRATION FOR HAPPINESS THROUGH THE LENSES OF MODERN REALITY

Shamsetdinova Anzhelika Petrovna, Ph. D. in Philosophy
Bashkir State University
rector@bsu.bashedu.ru

The article analyzes social aspiration for happiness, the paradoxes and contradictions of this aspiration. The feeling of happiness itself depends not on certain benefits but on the internal, spiritual ability of the human being to be happy. Though nowadays the experience of happiness for most humans is limited to the satisfaction of their materialistic aspirations, the author shows that desire for happiness nevertheless correlates with the idea of the self-sufficiency, self-identification of the human being.

Key words and phrases: aspiration for happiness; idea of happiness; spiritual ability of the human being; idea of self-identification of the human being.

УДК 7.01
Искусствоведение

В статье анализируются такие категории как «канон» и «стиль», автор указывает на неоднозначность определяемых терминов в теории эстетики и искусствознания. Основное внимание уделяется не исследовавшемуся раннее аспекту соотношения категорий «канон» и «стиль» применительно к портретным изображениям русского духовенства, созданным в различные исторические периоды в русле двух течений искусства – светского и церковного. Автор отвечает на вопрос о роли данных категорий в становлении формального и содержательного, авторского и регламентированного в эволюции русского портрета священства и монашества.

Ключевые слова и фразы: канон и стиль; традиция и иконография; живописный портрет русского духовенства; церковное и светское; художественная форма.

Шоколо Инесса Николаевна
Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова
inashokolo@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «КАНОН» И «СТИЛЬ» В ПОРТРЕТАХ РУССКОГО ДУХОВЕНСТВА©

К портретному изображению духовных лиц – священства и монашества, в истории русского искусства существует два принципиально разных подхода: образ, создаваемый в русле церковной, храмовой, сакральной традиции; и образ, написанный художником вне церковного заказа, по собственному интересу к личности и с использованием иных стилевых особенностей в рамках светского искусства. Эти подходы во многом опираются на исторические этапы развития русской культуры. И в этом случае наблюдается линейная эволюция от канонического портрета-иконы к собственно авторскому портрету духовного лица на рубеже XIX-XX вв. Но, тем не менее, существуют периоды, когда церковное – светское в образе духовенства соседствуют во времени и развиваются параллельно, например в период парсуны или же на протяжении всего XIX века.

Многообразие с необходимостью в искусстве ограничено исторически: не только отдельные творцы, но и школы, течения, а также эпохи объединены общностью образных систем, способами выражения, методиками, которые в искусствознании определяются через категории «стиль» и «канон». Рассмотрение таких категорий и их соотношения применительно к портретным изображениям русского духовенства, по мнению автора, способно во многом ответить на вопросы общего и различного, формального и содержательного, авторского и регламентированного в историческом развитии и в условиях двух несхожих подходов искусства: церковного и светского.

Нельзя сказать, к сожалению, что данные категории – достаточно строгие: их определения разнятся от словаря к словарю, от пособия к пособию. Впрочем, в этом как раз особенность категории в отличие от понятия: любое понятие определяется через категорию, но категория может определяться лишь сама через себя.

Рассмотрим для начала категорию «канон». Надо сказать, что ее история весьма показательна: именно в то время, когда она оказывается наиболее влиятельной практически, то есть для средневекового искусства, она еще не обретает теоретической значимости ни в Европе (хотя канонический принцип в искусстве провозглашается еще на VII Вселенском соборе в 787 г.), ни на Руси (при этом еще в 1551 г. на Стоглавом Соборе говорится о каноне в искусстве – только иными словами [7, с. 115-116]).

© Шоколо И. Н., 2015